

598
БЮЛЛЕТЕНИ
ЛИТЕРАТУРЫ
И
ЖИЗНИ

1918 г.

Кн. 6.

Изъ стихотвореній нашихъ
дней. (А. Блока, А. Бѣ-
лаго, Вяч. Иванова, Н. Клюе-
ва и А. Ремизова).

Революція духа.

Лжеиндивидуалистиче-
ская природа социализ-
ма.

Къ чему пришелъ анар-
хизмъ.

166
Борьба матерій и духа.
(Къ вопросу объ отношеніи
пролетариата къ интеллиген-
ции).

Задачи и методы новой
школы.

199
Объ ученической обще-
ственности. 3

Отзывы о книгахъ.

Новыя книги.

они нужны, уродцы. А ты постели имъ дорогу золотыми камнями, сдѣлай такъ, чтобы вѣкъ была съ ними, да не кудластая рваная Обида, а красавица Доля, измѣни нашъ жалкій удѣлъ въ счастливый, нареки на-ново участь безталанной Руси.

Посмотри, вонъ растерзанный лежень лежитъ—это наша бездольная, наша убогая Русь. Ее повзыскала Судина, добралась до головы: тамъ, отчаявшись, на разбой идутъ, тамъ много граблено, тамъ хочешь жить, какъ тебѣ любо, а самъ лѣзешь въ петлю.

Или благословеніе твое миновало насъ или родились мы въ бѣдную ночь и вѣкъ останемся бѣдняками. Такъ ли намъ на роду написано быть несуразными, дурными—у моря сытъ и воды не найти?

Огонь охватилъ нашу жатву—пылаютъ нивы, на морѣ бурей разбило корабль, разорены до послѣдней нитки.

Смилуйся, мать, посмотри, вопъ твой сынъ съ кускомъ хлѣба и палкой въ рукѣ бросилъ домъ и идетъ по катучимъ камнямъ, куда глаза глядятъ, а злыдни—спутники горя, обвиняясь вкругъ шеи, шепчутъ на уши:

„Мы отъ тебя не отстанемъ!“

Вѣщая, лебедь, плещущая крыльями у синяго моря, мать земли—матеръ-земля! Ты читаешь волховную книгу, попроси творца міра, сидящаго на облакахъ Солнце-Всевѣда, онъ мечетъ сѣмена на землю—и земля зачинаетъ и міръ весь родится. Попроси за насъ, за нашу Русскую землю, чтобы Русь не погибла.

Нѣтъ намъ мѣста и не знаемъ, куда дѣваться отъ Кручины и Лиха.

И если бѣ нашелся изъ насъ хоть одинъ, кто бы ударилъ ее топоромъ, или спустилъ въ яму и закрылъ камнемъ,

или бросилъ бы въ рѣку, или, зацемявъ въ дерево, забилъ бы въ дупло,

или запряталъ бы ее подъ мельничныи жерновъ худую, жалкую, черную долю—нашу злую судьбу!

Мы оступѣли—и горды, мы не разрѣшили загадокъ—и покойны, всѣ письмена для насъ темны—и мы возносимъ свою слѣпоту.

Мать, поведи имъ, всѣмъ празднымъ, всѣмъ забывшимъ тебя, забывшимъ родину, твою землю и долгъ передъ ней, и пусть они пѣтомъ и кровью удобряютъ худородную, истощенную, заброшенную ниву.

И неужели Русской землѣ ты судила Недолгу? И всегда растрепанная, несуразная, съ дикимъ хохотомъ, самодовольная, униженная и нищая будетъ она пресмыкаться, не скажетъ путнаго слова?

Мудрая, вѣщая, знающая судьбы, равно распребляющая свои удѣлы, подай намъ счастья!

Не страшна намъ смерть—клянемся тебѣ до послѣднихъ минутъ жизни отдать всѣ наши силы и умереть, какъ ты захочешь,—намъ страшно твое проклятiе.

И посмотри, вонъ тамъ молодая прекрасная Лада, счастливая доля, въ свѣтѣ вари словно говорящая солнцу: „Не выходи, солнце, я уже вышла!“—она намъ бросаетъ свою золотую нить.

Мать пресвятая, возьми эти хлѣбы, сыры и медъ съ нашихъ полей, свяжи нашу нить съ нитью Доли, скуй ее съ нашей, свари ее съ нашей нераздѣльно въ одной брачной долѣ на вѣкъ!

Аленскій Ремизовъ.

(Воля Страны—16).

Революція духа.

Брошюра Андрея Бѣлаго „Революція и культура“ развиваетъ тему, которая въ своемъ исходномъ положеніи имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ приведенной въ прошломъ номерѣ статьей А. Усова о кризисѣ культуры. А. Бѣлый

имѣетъ въ виду проблему той внутренней революціи, революціи духа, которая присуща всякому подлинному художественному творчеству вообще и творчеству нашей эпохи преимущественно. Вопросъ разсматривается авторомъ въ планѣ про-

блемы кризиса искусства, занимавшей художников и теоретиков искусства в последнее предреволюционное время.

Природа творческого духа свободна, подвижна и текуча. Но воплощаясь во внешнюю форму, материализуясь, она застывает в неподвижности, окаменевает. Формы, воплотившие в себя творческий дух, сковывают его своей неподвижностью. Чтобы оставаться свободным, он обречен на вечную борьбу с косностью материализованных форм. Таково внутреннеепротиворечие творческой природы художника. И художники, до конца осознавшие это противоречие, отказываются от объективации своей творческой мощи во внешнем мире, во имя иных творческих достижений, в глубинах собственного духа. Къ этому пришли Гоголь, Ибсенъ, Толстой. Эти взрывы творческого духа, разрушающие толщу окостенелых форм, и есть подлинная революция—революция духа. Такова основная мысль автора.

„Какъ подземный ударъ, разбивающій все, предстаётъ революція: предстаётъ ураганомъ, сметающимъ формы; и изваяниемъ, камнемъ, застыла скульптурная форма. Революція напоминаетъ природу: грозу, наводнение, водопадъ: все въ ней бьетъ „черезъ край“, все—чрезмѣрно.

Въ умѣломъ „чуть-чуть“ создается гармонія контуровъ Аполлоновой статуи.

Обиліе произведеній искусства обычно въ предреволюционное время; и—послѣ. Наоборотъ: напряженность художествъ ослаблена въ мигъ революціи.

Межъ революціей и искусствомъ установима тѣснѣйшая связь; но эту связь не легко обнаружить; она сокровенна; неуловима прямая зависимость завершенныхъ твореній искусства отъ волнъ революціи: направленія роста стеблей и корней изъ единого центра обратны другъ другу; ростъ проявленной творческой формы и ростъ революціи тоже обратны другъ другу.

Но центръ роста одинъ.

Произведенія искусства суть формы культуры, предполагающей *культъ*, т.-е. бережный, кропотливый уходъ, предполагающей непрерывность развитія; вся культура искусство обусловлена эволюціей.

Какъ подземный ударъ, разбивающій все, предстаётъ революція; эволюція—въ непрерывности формованія жизни; въ эволюціи революціонная лава твердѣетъ въ плодоносящую землю, чтобы изъ сѣмени встать зеленѣющій, юный ростокъ.

Цвѣтъ культуры—*зеленый*, и цвѣтъ революціи—огненный.

Съ точки зрѣнія этой изорвана эволюція человечества революционными взрывами; то бѣжитъ раскаленная лава *кровавымъ* потокомъ по зеленѣющимъ склонамъ вулкана; то по нимъ пробѣгаетъ *зеленая* поросль культуры, скрывая остывшую, оземляившую лаву; революціонные взрывы смѣняютъ волну эволюціи; но ихъ кроютъ покровы бѣгущихъ за ними культуръ; за зеленымъ покровомъ блистаетъ кровавое пламя, и за пламенемъ этимъ опять зеленѣетъ листва; но *зеленый* цвѣтъ дополнителенъ *красному*.

Пересѣченіе революціонныхъ и эволюціонныхъ энергій, *зеленаго* съ *краснымъ*, — въ блистающей бѣлизнѣ Аполлонова свѣта: въ искусствѣ. Но этотъ свѣтъ есть невидимый свѣтъ (видима, какъ мы знаемъ, поверхность свѣченія): искусство—духовно.

Материальное выраженіе его есть недолжное, временное уплотненіе культуры; въ немъ искусство, культурный продуктъ, есть предметъ потребления: товарная цѣнность, фетишъ, идолъ, звонкія разнѣнные деньги.

Превращеніе культурной, формующей силы въ продуктъ потребления, превращаетъ хлѣбъ жизни въ черствѣющій, мертвенный камень; онъ куется въ монету; и копится капиталъ. Видоизмѣняются формы культуры; наука пріобрѣтаетъ техническій, узко практический смыслъ; и гастрономіей процвѣтаетъ эстетика: золотѣющимъ отблескомъ солнца обогащаютъ себя, какъ червонцами и, какъ въ шелка, облакаются въ нѣжные колориты зари; въ творчествѣ правовыхъ отношеній царитъ принудительный кнутъ, какъ полицейская мѣра для обузданія все растущаго эгоизма утонченной чувствительности; то, что было когда-то игрою моральныхъ фантазій, предстаётъ теперь властью; сила власти безъ творче-

ства въ свою очередь оплотнѣваетъ, какъ власть принудительной силы; и карающимъ молотомъ высѣкаетъ она Прометеевъ огонь изъ груди.

Прометеевъ духовный огонь есть очагъ революціи въ предреволюціонное время; онъ—бунтъ противъ фальши подмѣны: текучей, пластической формы ея матеріальнымъ каркасомъ; революція начинается въ духѣ; въ ней мы видимъ возстаніе на матеріальную плоть; выявленіе духовнаго облика наступаетъ позднѣе; въ революціи экономическихъ и правовыхъ отношеній мы видимъ послѣдствія революціонно-духовной волны; въ пламенномъ энтузіазмѣ она начинается; ея окончаніе—опять-таки въ духѣ: въ седмицѣтвой зарѣ, встающей изъ брызгъ: въ романтической, тихой, сіяющей радугѣ новорожденной культуры.

Цвѣтъ культуры, *зеленый*, и цвѣтъ революціи, *красный*, одинаково суть отвлеченія отъ единаго, бѣлаго, матеріально не зримаго свѣта: Аполлоновъ свѣтъ творчества есть воистину свѣтъ духовный. И онъ—свѣточъ міру.

Средь культурныхъ, законченныхъ формъ и искусство—культурная форма; тѣмъ не менѣе въ нѣдрахъ его совершается революціонно-духовный процессъ; противорѣчіе въ свое время осознано Ницше; и—принято нами. Примиреніе въ трагедіи творщей души; здѣсь процессъ сотворенія есть кованье меча, соответствующаго намъ разбить цѣпи рока, сотканныя въ прошломъ: продукты, созданные нами и очертившіе оплотнѣвшій магическій кругъ; встрѣча съ рокомъ, какъ съ собственнымъ двойникомъ, есть огромная сила трагедіи; раздвоеніе въ жизни искусствъ примиряется въ осознаніи раздвоенія „я“ человека: его высшее „я“ начинаетъ борьбу съ коснымъ „я“. Отъ исхода борьбы измѣняется все теченіе творчества отставшей культуры; столкновеніе революціи и культуры—діалогъ двухъ „Я“ человеческихъ въ проявленіяхъ общественной жизни.

Корень всѣхъ трагическихъ столкновений есть воистину встрѣча моя съ моимъ собственнымъ „я“; корень всѣхъ проявлений искусства—трагедія; и потому намъ понятно: борьба человека и рока другъ

съ другомъ отражена въ построеніи трагедіей порождаемыхъ формъ; изъ первичной трагедіи выпали всѣ первичныя формы; двойственность ихъ отмѣтила всѣ. Эта двойственность въ томъ, что, съ одной стороны, произведеніе искусства не ограничено временемъ, мѣстомъ и формою; и—безгранично оно расширяетъ себя въ нашихъ нѣдрахъ души; а съ другой стороны, оно—форма во времени, въ опредѣленномъ пространствѣ; и — неподвижно заковано въ матеріалѣ.

Мѣсто статуи—опредѣленно: въ музеѣ ее охраняютъ отъ взора музейныя стѣны; чтобъ увидѣть ее, необходимо мнѣ совершить путешествіе въ опредѣленную мѣстность и, быть можетъ, подолгу искать ее скрывшій музей; но, съ другой стороны, эту статую я уношу изъ ея оболочки въ моемъ воспріятіи; воспріятіе—на вѣки со мною; надъ нимъ я работаю; изъ работы моей возникаютъ подвижные поросли великолѣпнѣйшихъ образовъ; неподвижная статуя въ нихъ течетъ, въ нихъ растетъ, какъ зерно въ прорастающей вѣтвѣ, выходящей изъ нѣдръ и льется во вѣн рядомъ статуй и красочныхъ звуковъ, исходитъ дождями советовъ; впечатлѣніе ихъ творится опять-таки въ имѣ внимающихъ душахъ. Неподвижная статуя ожила въ *становленіи*; въ немъ раскрыта, какъ роза, когда-то единая форма искусства; и въ немъ же раскрыта природа процессовъ, создавшихъ ее: вторая природа—природы, намъ данной; природѣ и формы искусства—во мнѣ протекающей огненной, революціонной процессъ, не имѣющей формы, не видимый окопъ: во мнѣ и въ сочувственныхъ душахъ когда-то застывшая статуя прядаетъ ясными струями тысячесмысленныхъ чувствъ.

Жизнь лица—въ выраженіяхъ; центръ лица—не глаза, а мгновенно зажегшійся взглядъ; вотъ онъ есть, вотъ—и нѣтъ его вовсе; не изваять его въ мраморъ; жизнь лица изобразима въ искусствѣ не прямо, а своеобразными, условными средствами. И такими же средствами выражаема буря общественной жизни; прямыхъ соответствій здѣсь нѣтъ никогда. Разсудочны всѣ обычныя проведенія параллелей межъ искус-

ством и струями революцій; абстрактно-вымышленіе тенденціозныхъ эстетикъ: живописать революцію серіей протоколовъ и фотографій, ее брать сюжетомъ и т. д. Вдохновеніе есть созданіе образовъ, не совпадающихъ съ вдохновляющимъ образомъ. Вдохновляющій образъ Сикстинской Мадонны взрываетъ въ душѣ бури образовъ, арабесокъ, градацію симфоническихъ звуковъ; и подъ пѣною ихъ разверзается голубая беззвучная нѣмота; не въ описаніи Мадонны—Мадонна; нѣтъ, скорѣе она въ переливахъ вздыхающей лиры Нова-лиса.

Революція, проливаясь въ душу поэтовъ, оттуда растетъ не какъ образъ дѣйствительно бывшій; нѣтъ, она вырастаетъ скорѣй голубыми цвѣтами романтики, и золотомъ солнца; и золото солнца, и нѣжная нѣга лазури, обратно влекутъ революцію съ большей стихійностью, чѣмъ нелѣпо составленный революціонный сюжетъ.

И наномню читателю: 1905 годъ въ жизни творчества—что намъ подлинно далъ? Многообразіе блѣднѣйшихъ рассказовъ о бомбахъ, разстрѣлахъ, жалдармахъ. Но отразился онъ ярко—позднѣй; и—отражается нынѣ; революція по отношенію къ блѣднымъ рассказамъ революціонной эпохи осталась живымъ, полнымъ жизни, лицомъ, въ насъ впереннымъ; всѣ же снимки съ нея—суть портреты безъ взгляда; 1905 г. оживаетъ позднѣе въ волнующихъ строфахъ поэзіи Гиппюсъ; но эти строфы написаны вольно, въ нихъ нѣтъ фотографій; произведеніе искусства съ сюжетомъ на тему суть слѣпки изъ гипса съ живого лица; и таковыми являются вялые слово-слоныя поэтовъ въ рифмованныхъ строчкахъ: „свобода“, „народа“, но знаю навѣрное я: въ колоссальнѣйшихъ образахъ, отобразится великая русская революція въ ближайшей эпохѣ съ тѣмъ большею силой, чѣмъ меньше художники слова будутъ ее профанировать въ наши грозные дни.

Революцію взять сюжетомъ почти невозможно въ эпоху теченія ея; и невозможно потребовать отъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, чтобы они восхваляли ее въ дифирамбахъ и гимнахъ; этимъ гимнамъ, мгновенно написаннымъ и напе-

чатымъ завтра на рыхлой, газетной бумагѣ, признаться, не вѣрю; потрясеніе, радость, восторгъ погружаютъ насъ въ нѣмоту; цѣломудренно я молчу о священныхъ событіяхъ моей внутренней жизни; и потому-то противны мнѣ были недавнія вопли поэтовъ на темы войны; и потому-то всѣ тѣ, кто сейчасъ изливаетъ поверхность души въ очень гладко рифмованныхъ строчкахъ по поводу мірового событія—никогда не скажутъ о немъ своего правдиваго слова; бытъ можетъ о немъ скажетъ слово свое не теперь, а потомъ главнымъ образомъ тотъ, кто молчитъ.

Революція—актъ зачатія творческихъ формъ, созрѣвающихъ въ десятилѣтіяхъ; послѣ акта зачатія зачавшая временно блекнетъ; ея жизнь не въ цвѣтеніи, а въ приливѣ питающихъ соковъ къ... младенцу; въ моментъ революціи временно блекнутъ цвѣты передъ нами процвѣтшихъ искусствъ; оболочка ихъ вянетъ: такъ вянуть ланиты беременныхъ женщинъ; но въ угасаніи вѣшняго блеска—сіяніе скрытой красоты; прекрасно молчаніе творческихъ въ минуту глаголющей жизни; внимательство ихъ голосовъ въ ее бурную рѣчь наступаетъ тогда, когда рѣчь будетъ ска-зана.

Мнѣ рисуется жестъ художника въ революціонномъ періодѣ; это есть жестъ отдачи себя, жестъ забвенія себя, какъ жреца красоты: ощущеніе себя рядовымъ гражданиномъ всеобщаго дѣла; вспомните огромнаго Вагнера: онъ, услышавши пѣніе революціонной толпы, взмахомъ палочки обрываетъ симфонію, и бросаясь съ дирижерскаго пульта, убѣгаетъ къ толпѣ: говоритъ; и—спасается бѣгствомъ изъ Лейпцига; Вагнеръ могъ бы писать великолѣпныя дифирамбы; и дирижировать ими... въ Швейцаріи; но дифирамбовъ не пишетъ онъ вовсе, а... обрываетъ симфонію: забываетъ достоинство мудраго охранителя культа; ощущаетъ себя рядовымъ агитаторомъ. Но это вовсе не значить, что жизнь революціи не отразилась въ художникѣ; пѣтъ глубоко запала она, — такъ глубоко запала въ душѣ, что въ моментъ революціи, гений Вагнера опѣмѣлъ: то была нѣмота потрясенія; она разразилась

повдѣе огромными взрывами: тетралогіей „Нибелунговъ“, живописаньемъ сверженія кумировъ и торжествомъ челоуѣка надъ гнетомъ отжившихъ божеествъ; отразилась она закликательнымъ взрывомъ огней революціи, охватившимъ Вальгаллу.

Революція — проявленіе творческихъ силъ; въ оформленіяхъ жизни тѣмъ силамъ нѣтъ мѣста, содержаніе жизни текуче; оно утекло изъ — подѣ формъ; формы ссохлись давно; въ нихъ безформенность бьетъ изъ подполья. Оформление — выявленіе содержанія во-внѣ; но въ обычныхъ условіяхъ жизни процессъ оформления замѣненъ уплотненіемъ, образующимъ вмѣсто формъ неподвижныя навики; всѣ абстракціи и всѣ матеріальныя формы суть навики собственно-формъ, ненормальныя отложенія на формѣ, вапоминающія отложенія кожи: какіе-то роговыя щиты; въ оформленіяхъ жизни они образуютъ недвижный и косо растущій балластъ; такъ скелетъ внутри насъ: предстаетъ въ его образѣ смерть; нашъ скелетъ — не живой отпечатокъ живого пластичнаго образа въ минеральной матеріи; въ этомъ смыслѣ онъ трупъ: мы его отлагаемъ въ себѣ; и отлагая въ себѣ, мы его за собою таскаемъ; мы словно прикованы къ трупу жизни; но это не значитъ, что мы суть скелеты; пока живы мы, скелетъ спрятанъ; выступаетъ изъ насъ наша „смерть“ лишь позднѣе, когда отлетитъ духъ движенія изъ разложившихся тканей; вотъ такое-то выступленіе „скелета“ изъ жизненной формы до смерти являетъ собою подмѣна процесса творенія отбросомъ: матеріальнымъ продуктомъ; и такое же точно явленіе „скелета“ до смерти — распадъ діалектики мысли на отдѣльныя части свои: на неживыя понятія; эти понятія — кости; номенклатура ихъ есть система костей: сотвореніе скелета. Мы себѣ сотворяемъ досмертную смерть, механизуемъ процессъ эволюціи. Въ нашей мервенной мысли плоть жизни разложена въ элементы матеріи; оттого-то законы движенія матеріальныхъ продуктовъ (товаровъ) намъ становятся и законами проявленій общественной жизни; такъ сведеніе силъ лишь

къ механикѣ экономическихъ отношеній — преждевременно выявляетъ изъ насъ нашу скелетъ, на котораго изливаемъ мы наше страшное вдохновеніе; и мертвецъ механически увлекаетъ насъ за собой — въ міръ машиннаго производства; символъ смерти — скелетъ; и подобіе скелета — машина; этотъ новый гомункулъ, машина, возставши изъ насъ, увлекаетъ насъ въ смерть: неосторожное обращеніе съ машинами, переоцѣнка машинъ, есть источникъ катастрофъ обставшей дѣйствительности; и оттого-то процессы творенія жизни уже не играютъ существенной роли въ эволюціонной дѣйствительности: въ эволюціи (такъ, какъ мы понимаемъ ее) изучаемъ мы только процессы движеній товарныхъ вагоновъ; и нагрузку ихъ зернами; не изучаемъ процессы мы жизни зерна внутри колоса, и — наливаніе колоса.

Въ механическомъ взглядѣ на жизнь революція — взрывъ, обрывающій мертвую форму въ безформенный хаосъ; но ея выраженіе иное: скорѣе она есть давленіе силы ростка, разрыванье росткомъ сѣмянной оболочки, проростъ материнскаго организма въ таинственномъ актѣ рожденія; революцію въ такомъ случаѣ съ полнымъ правомъ мы можемъ назвать *инволюціей* — воплощеніемъ духа въ условія органической жизни; революціонное выраженіе инволюціи есть одинъ частный случай инволютивныхъ процессовъ; а именно: столкновеніе силы ростка съ ненормально утолщеннымъ коростомъ формы; здѣсь насильственно сброшена форма — каркасъ.

Актъ революціи двойствененъ; онъ — свободенъ; онъ есть смерть старыхъ формъ; онъ — рожденіе новыхъ; но эти два проявленія — двѣ вѣтви единого корня: въ этомъ корнѣ намъ нѣтъ распадѣнія межъ содержаніемъ и формой; въ немъ динамика духа (процессъ) сочетается съ статикой плоти (продуктъ); намъ примѣромъ возможности подобнаго парадоксальнаго сочетанія является мышленіе; въ немъ субъектъ, идеальная дѣятельность, субстанціально отождествима съ объектомъ, идеей, которая есть продуктъ этой дѣятельности; и потому-то въ немъ нѣтъ никакого разрыва межъ содержаніемъ и формой. И оттого-то намъ

мысль предстать неустанно текучею формою — формой въ движеніи.

Инволюція есть такая же текучая форма; и она-то связуетъ въ корняхъ революціонное содержаніе съ эволюціонными формами, въ ея свѣтѣ толчокъ революціи — показатель того, что *младенецъ възрылся во чревтѣ*.

Революціонныя силы суть струи артезианскихъ источниковъ; сначала источникъ бьетъ грязью; и — косность земная взлетаетъ сначала въ струѣ; но струя очищается; революціонное очищеніе — организациа хаоса въ гибкость движенія новорождаемыхъ формъ. Первый мигъ революціи — образованіе паровъ, а второй — ихъ сгущеніе въ гибкую и текучую форму: то — облако; облако въ движеніи есть все, что угодно: великанъ, городъ, башня; въ немъ господствуетъ метаморфоза; на немъ появляется краска; оно гласитъ громомъ; громовые гласы въ нѣмомъ и безформенномъ парѣ есть чудо рожденія жизни изъ нѣдръ революціи.

Революціонной эпохѣ предшествуетъ смутное прозрѣваніе будущихъ формъ зареволюціонной дѣйствительности... въ фантастической дымкѣ искусствъ; тамъ, въ неясно гласящей намъ сказкѣ предносится смутно грядущая быль; то она — миеология; то — подъ покровами прошлаго, преображеннаго сказочнымъ ореоломъ; это прошлое въ сущности намъ говорить тѣмъ, что не было никогда; вся романтика воспоминаній о прошломъ есть въ сущности чаянье: будущее, не имѣя законченной формы, встаетъ намъ подъ маскою бывшаго; и потому это „бывшее“ — не было никогда: оно — страна Мечты; „Embargoement pour Citére“¹⁾ отражаетъ томленія предреволюціонной дѣйствительности.

Въ романтизмѣ, въ фантастикѣ, въ сказочной дымкѣ искусствъ есть уже заставка; она указываетъ, что гдѣ-то въ сознаніи накопилась энергія революціоннаго взрыва, что скоро изъ облачныхъ волнъ романтизма покажется... молнія. Революціонный періодъ начала истекшаго вѣка

бѣжитъ по Европѣ въ волнѣ романтизма; и наше время проходитъ передъ нами въ волнѣ символизма.

Революціонная эра текущей эпохи себя начинаетъ въ искусствѣ разрывами сложеной, натуралистической формы: импрессионизмъ начинаетъ разрывъ, не сознавая своей разрушительной миссіи и полагая, что онъ утверждаетъ натуру; но онъ распыляется въ атомы футуризмомъ, кубизмомъ супрематизмомъ и прочими повѣвшими формами; изъ разрывовъ встаетъ нераскрытое содержаніе грядущей эпохи въ волнѣ символизма.

Революція формъ еще не есть революція; нѣтъ, она — разложеніе косной матеріи творчествъ; новое содержаніе подъ обломками формы являетъ себя въ разрушительныхъ вихряхъ, опустошающихъ формы; но въ душѣ оно — ритмъ, а не вихрь: оно *ладъ*, а не шумъ; оно — стихъ; и оно — не слѣпая стихія; и этотъ ладъ постигается не въ гримасахъ умершаго слова, а въ умѣннѣ прочесть прорастающій смыслъ въ самой трещинѣ слова; нуженъ взглядъ сквозъ сюжетъ для конкретного пониманія сюжетовъ искусства недавняго прошлаго; и тогда намъ откроется: революціей, міровою войною и многимъ еще, не свершившимся въ полѣ вѣннѣ нашемъ, чреватъ творенія отцовъ символизма. Кто проникнетъ въ неясно гласящіа мѣны недавняго прошлаго, скажетъ, какъ Блокъ:

Но узнаю тебя, начало

Высокихъ и мятежныхъ дней.

Современный художникъ давно уже слышитъ вмѣненія „царства свободы“, летящія въ дали; отвергнуть каркасы искусствъ, оскудѣвшія формы, и стать самому своей собственной формой; мы работаемъ не надъ тѣмъ матеріаломъ: не глина, не слово, не краска, не звукъ — наши формы; наша форма — душа; измѣняя ее, вырываемся мы изъ необходимостей творчества въ страны свободы его. Отъ вмѣненія преобразать вещество современный художникъ стремится возвыситься къ нравственной жадѣ: пересоздать свою душу. Революція духа его восхищаетъ къ преобразамъ будущихъ формъ, какъ орелъ Галимеда. Эта жажда

¹⁾ Картина Ватто „Путешествіе на островъ Цитеру“.

давно ужъ сказалась въ Толстомъ, въ его жестѣ отказа отъ бранныхъ формъ творчества; и сказалась она въ драматическомъ эпилогѣ у Ибсена; тотъ же жестъ, проявляясь мучительно въ Гоголѣ, насъ лишаетъ второй половины безсмертной поэмы его: „Мертвыхъ душъ“, ибо „*мертвые*“, мы, — „*пробуждаемся*“; царство свободы — ужъ въ насъ! Оно будетъ въ насъ.

Революція чистая, революція-собственно, еще только идетъ изъ тумановъ грядущей эпохи. Всѣ инныя же революціи по отношенію къ этой послѣдней — предупреждающіе толчки, потому что онѣ буржуазны и находятся внутри эволюціоннаго круга огромной эпохи, именуемой нами „*исторія*“; эпоха грядущая въ-исторична, всемірна. Такъ абстрактное взятіе революціи подмѣняетъ ее эволюціоннымъ процессомъ. Дѣйствительно.

Обобществленіе орудій товарнаго производства вытекаетъ естественно изъ эволюціи экономическихъ отношеній; переходъ къ социализму въ условіяхъ нашей мысли вскрываетъ лишь стадіи ликвидаціи *старыхъ* формъ; и — не вскрываетъ намъ новыхъ; диктатура трудящихся массъ завершаетъ послѣднюю стадію; но она вытекаетъ естественно изъ условій развитія капитала: социальная революція въ этомъ смыслѣ не есть революція; и она буржуазна. Подлинный эволюціонный прерывъ, революція-собственно, наступаетъ позднѣй, — но, тутъ занавѣсъ падаетъ; новыя социальныя формы по существу намъ не вскрыты; мы знаемъ о нихъ лишь одно, что онѣ не вскрываемы, потому что орудія вскрытія (философская и научная мысль) суть *продукты* ветшающей буржуазной культуры; вмѣстѣ съ ней они падаютъ; тамъ, въ моментъ раскрытія новыхъ творческихъ формъ, прорисовывается бранныя мысли свои бранные образы трудового хозяйства; трудъ — абстракція творчества; и трудовое хозяйство реально не вскрыто: невозможность конкретно раскрыть содержаніе будущей за-революціонной эпохи теоріей социализма осознана; въ этомъ мѣстѣ теорія намъ рисуетъ скачокъ — въ вовсе новое *царство свободы*;

это царство свободы есть въ сущности лишь признаніе новаго измѣренія жизни въ бранныхъ условіяхъ товарной культуры и ей обусловленной бранный разсудочной мысли. Только *новымъ сознаниемъ* измѣримо грядущее *царство свободы*; но сознаніе это лежитъ за предѣломъ сознанья, намъ даннаго.

Такъ попытка намъ выявить квинтъ-эссенцію революціи подмѣняется вынесеніемъ содержанья ея за всѣ виды ея проявленій, которыя все еще — эволюція упадающихъ, матеріально воспринятыхъ формъ.

Точно такъ же теорія наши о вещественно данныхъ искусствахъ заставляютъ по новому насъ поставить вопросъ: „Что такое искусство?“ Не чудачество, а трагедія творчества, поднимаетъ вопросъ въ томъ рѣшительномъ видѣ, какъ онъ возникаетъ у Толстого.

Внутри жизни искусствъ поднимается бунтъ противъ формъ; осознается, что творчество — въ творчествѣ новыхъ духовно-душевныхъ стихій; его форма — не бранный: нѣтъ, не глина, не краска она; и — не звукъ; нѣтъ, она есть душа человѣка.

Въ пластикѣ внутренней жизни, въ овладѣваніи новыми царствами духа — движеніе творчества, а не въ техникѣ воплощенія въ матеріальное вещество. Воплощеніе есть выдыханіе огненно-духовной стихіи въ морозную атмосферу отставшей дѣйствительности; воплощеніе есть свободное образованіе кристалловъ изъ влаги дыханія; но самое выдыханіе въ сущности есть пассивный процессъ, обусловленный вздохомъ; самый вздохъ зависитъ отъ легкихъ; творчество не въ сложеньѣ кристалловъ изъ инея пара; творчество и не вздохъ; нѣтъ, оно есть работа надъ легкими; измѣненіе организма творца.

Въ перенесеніи вниманія отъ кристалловъ распавшихся творчествъ (отъ воздуха творчествъ) къ источнику выдыханія, къ легкимъ, впервые вскрывается *царство свободы* его въ революціи формъ, которая „*буржуазна*“ всегда. Царство свободы — въ пересозданіи самихъ возможностей творчества, въ возсозданіи новыхъ условій, доселѣ не бывшихъ. Необходимость техническихъ средствъ, этотъ рокъ,

этот Новый Египетъ, воистину есть иллюзія творчества, парисованная двойникомъ подлинно духовнаго „я“: человѣческимъ эгоизмомъ и человѣческой косностью.

Отрицаніе Гоголемъ, Ибсеномъ, Ницше, Толстымъ, Достоевскимъ обычнаго творчества есть начало *исхода* творцовъ изъ Египта искусствъ. Здѣсь художникъ воистину Моисей, поднимающійся къ Синаю за новымъ законодательствомъ жизни; меньшаго онъ не можетъ поставить себѣ; но такое вмѣненіе творцамъ быть законами царства свободы есть вмѣненіе творцамъ: не нарушить моральной фантазіи вновь создаваемой жизни; вмѣненіе это неисполнимо въ условіяхъ данной жизни; отсюда—трагедія творчества, гдѣ драматургъ—исполнитель, а исполненіе—не сцена, а жизнь.

Первый актъ творчества есть созданіе міра искусствъ; актъ второй: созиданіе себя по образу и подобию міра; но міръ созданныхъ формъ не пускаетъ творца въ имъ созданное царство свободы; у порога его стоитъ стражъ: наше косное „я“; борьба съ собственной брэнною формой, *со стражемъ порога*, и есть встрѣча съ *рокомъ*, трагедія творчества; во время этой трагедіи происходитъ отказъ нашъ отъ творчества, уходъ изъ искусства; тутъ становится намъ понятнымъ сожженіе „Мертвыхъ душъ“, сумасшествіе Ницше, глухое молчанье Толстого. Актъ третій: вступленіе въ царство свободы и новая связь безусловно свободныхъ людей для созданія общины жизни по образу и подобию новыхъ именъ, въ насъ таинственно вписанныхъ духомъ.

Только въ этомъ моментѣ своемъ все искусство становится подлинной революціей жизни; но до этого мига еще исчезаетъ оно, какъ міръ формъ; этотъ третій моментъ заpredѣленъ условіямъ осуществленной культуры; и потому въ ней безформененъ онъ; и потому-то воистину *царство свободы* въ искусствѣ нашей мыслью встрѣчается, какъ вторженіе беззаконной кометы; нашей мысли грозитъ этотъ мигъ анархической революціи, не могущей себя проявить въ революціи со-

ціальной. Но это все потому, что наша мысль есть абстракція, обращенная къ матеріальному міру; матерія есть разломанный духъ; матерія есть кривое зеркало духа; и оттого-то въ условіяхъ матеріальной культуры и въ революціяхъ формъ все духовное въ содержаніи жизни революціонной культуры называютъ подчасъ индивидуалистическимъ, анархическимъ хаосомъ.

Подлинно революціонны и Ибсенъ, и Штирнеръ, и Ницше, а вовсе не Энгельсъ, не Марксъ; въ глубинѣ ихъ сознанія гремятъ намъ огромные революціонные взрывы; и они-то намъ подлинно рвутъ непріятельскій фронтъ; непріятельскій фронтъ—это наша душевная косность; и герои изъ царства свободы встаютъ намъ неясно въ своемъ титаническомъ обликѣ на вершинахъ искусства: Прометей и Данте, и Фаусты, и Эмпедоклы, летящіе внизъ головой въ жерло кратера, и Заратустры, бѣгущіе вверхъ къ ледникамъ,—эти мощные образы только неясные прорѣзы гражданъ свободнаго града осуществленной за-революціонной культуры.

И намъ ясно: лежащая въ будущемъ формы общественной жизни, осуществленная революціей-собственно, не суть вовсе формы какой-нибудь „большевистской“ культуры, а—*вѣчносущее*, скрытое подъ формальной вуалью искусствъ. Оплотненіе искусства въ условіяхъ социальной дѣйствительности есть всегда превращеніе живой плоти его въ поѣдаемый хлѣбъ; но въ такомъ пониманіи его этотъ хлѣбъ черствѣетъ: становится камнемъ; современная намъ культура давно ужъ глаголетъ камнями; ея цѣнность—въ монетахъ; современная революція устремляется ко хлѣбамъ. Но „не о хлѣбъ единомъ“ печется душа человѣка. Ни въ хлѣбахъ, ни въ камняхъ нѣтъ живой плоти жизни.

Царство нашей свободы, осуществимое въ будущемъ, уже здѣсь: выпѣ съ нами; оно „вѣчносущее“, скрытое въ мірѣ искусствъ. Его формы, обставшія насъ, разсмотримы по плотности, т.-е. по толщѣ завѣсы, скрывающей подлинный ликъ міра будущей жизни. Наибольше косная форма

есть водчество; здѣсь *таимое* въ творчествѣ какъ бы грузно заставлено огромными матеріальными массами; это *таимое*, проникая толщу косныхъ формъ, одушевленнѣй въ скульптурѣ; и оно лишь завѣса, горящая красками въ живописи; эта завѣса въ поэзіи заволновалась теченіемъ образовъ; образы здѣсь не даны; воображеніе поэзіи все еще есть завѣса таящейся жизни; въ чистой музыкѣ пропадаетъ завѣса воображаемыхъ образовъ; музыка — наиболѣе романтична; наиболѣе слышима сквозь безобразный голосъ ея революція духа, гласящая царствомъ свободы. Межъ революціей и искусствомъ проводима тѣснѣйшая параллель черезъ музыку именно.

Чѣмъ понять рѣчи музыки? Внутреннимъ, что она вызываетъ: встающимъ въ насъ отзывомъ; но этотъ отзывъ не музыка, а ея переводъ на душевный языкъ. Мы должны внятно вникнуть въ себя, чтобъ правдиво описывать то, что встаетъ въ насъ, какъ откликъ: встаютъ намъ и мысли, и чувства, и жесты, и импульсы; но эти мысли, но чувства, но жесты, внутренние музыкой, — не вскрытіе музыки. Они многозначны и преломимы по своему каждой отдѣльной душой, между тѣмъ звуки музыки однозначны, точны, какъ мелодія, опредѣленны, все тѣ же; почти они числа. Музыка, такъ сказать, математика нашей души; по отношенію къ многообразію пробуждаемыхъ ею и мыслей, и образовъ, она какъ бы есть тотъ законъ, который ихъ вызываетъ; музыка по отношенію къ тому, что она вызываетъ въ душѣ, есть единство раствора, а мысли и образы музыки въ насъ суть кристаллы. Музыка есть источникъ рожденія въ насъ какихъ-то сложнѣйшихъ образованій души, какъ безоблачность неба — источникъ рожденія облака; музыка — глубже всего, что она въ насъ рождаетъ; не простое — сложнѣйшее и тончайшее въ насъ пробуждаемо ей.

Если бы намъ создать по образу и подобию пережитого въ музыкѣ образъ встающего человѣка, онъ превысилъ бы насъ, взятыхъ въ будничныхъ нашихъ дѣлахъ.

Слушая музыку, переживаемъ мы ка-

кія-то огромныя судьбы огромныхъ людей, къ которымъ нѣтъ у насъ подступа; слушая музыку, мы чего-то хотимъ, но хотѣнія наши оборваны повседневною жизнью; осуществить жизнь по музыкѣ невозможно въ условіяхъ теперешней жизни; въ ней мы себя ощущаемъ, какъ... въ сапогахъ великана; но великанъ этотъ все-таки — мы; вѣрнѣй, мы — въ нашемъ будущемъ; ритмы будущихъ нашихъ дѣяній въ сопедшемъ къ намъ царствѣ свободы — даны; самые жъ законы дѣяній намъ остаются не вскрытыми; музыка — глубже даже законовъ, намъ данныхъ въ словахъ; она есть законъ внутри насъ нашей вѣчной свободы; и рѣчь — порожденіе ея.

Многообразіе сложныхъ чувствъ подымаются музыкой изъ безглагольныхъ глубинъ человѣческой жизни; изъ-за порога сознанія ей, только ей зажигаются зори невошедшихъ сознаній; рисуются образы жизни еще недостигнутыхъ человѣческихъ отношеній; въ ней — уже лицо жизни — студа, изъ-за катастрофы образовъ; музыка, проливаясь въ формы предъ нею возникшихъ искусствъ, размываетъ ихъ контуры; воображеніе, образы — въ чистой музыкѣ тонуть, и потому сама ея форма прообразуетъ намъ революцію творчества, въ ней призывъ къ осуществленію царства свободы, и потому-то лишь въ ней предѣльное обнаженіе творчества; скрытая подъ формами музыка породила искусства; и позднѣй другихъ формъ намъ сложилась въ исторіи формой; въ ея формѣ попытка оформить за-форменный хаосъ, раскрыть революцію духа подъ революціей формы; музыка есть попытка выразить формою квинтъ-эссенцію процессовъ творенія.

Въ музыкѣ долетаютъ впервые къ намъ звуки изъ новаго, невѣдомаго, небывалаго, свободою создаемаго міра. Она воля къ нему; и оттого-то она не мирится ни съ образомъ, ни съ отдѣльною мыслью, ни съ ихъ совокупностью; по отношенію къ ней это все только классы и формы; въ ея формѣ загаданъ намъ выходъ изъ формы; она то, что въ насъ хочетъ прекраснаго, но что мы въ себѣ еще не осознали научно; она — *пламенный энтузіазмъ*; она — путь; она — жизнь.

зыка—внутренне еще нескрывшихся представлений объ индивидуальном трудѣ, облагораживающемъ и свободномъ до возможности создавать міръ искусствъ изъ каждаго проявленія человѣка.

Музыка есть нескрытый конвертъ съ содержаніемъ нашей судьбы: въ музыкѣ—содержаніе будущей исторической жизни; музыка это голубь съ вершины грядущаго Арарата, приносящая въ нашъ ковчегъ свою первую, маслянную вѣтвь; эта вѣсть есть рѣшеніе участи всѣхъ заключенныхъ въ ковчегѣ; оттого-то она всенародна; и вмѣстѣ—индивидуальна, интимна: касается каждаго; въ ней раскрытіе каждой индивидуальной души до подлинно всенароднаго образа; но этотъ образъ нашъ внутри насъ, какъ звѣзда; онъ—не видимъ; онъ данъ въ пучкѣ блесковъ.

Революція духа—комета, летящая къ намъ изъ запредѣльной дѣйствительности; преодоленіе необходимости въ царствѣ

свободы, рисуемый социальный прыжокъ, не есть вовсе прыжокъ; онъ—паденіе кометы на насъ; но и это паденіе есть иллюзія зрѣнія: отраженіе въ небосводѣ происходящаго въ сердцѣ: въ нашемъ сердцѣ мы видимъ уже звѣздный лугъ поворожденнаго облика насъ въ нашемъ будущемъ, явленный музыкой; распиреніе точки звѣзды до летящаго диска кометы уже происходитъ въ глубинахъ сердечнаго знанія: пламенный энтузіазмъ развиваетъ въ комету звѣзду; и мы слушаемъ звѣздные звуки о насъ—въ нашемъ будущемъ.

Уразумѣніе внутренней связи искусствъ съ революціей въ уразумѣніи связи двухъ образовъ: упадающей надъ головою кометы и... неподвижной звѣзды внутри насъ. Тутъ-то подлинное пересѣченіе и двухъ заветовъ евангельскихъ: „*алчущаго накорми*“ и „*не о хлѣбѣ единомъ*“...

Лжеиндивидуалистическая природа социализма.

Статья Н. Бердяева „Личное благо и сверхличныя цѣнности“ въ XI—XII книгѣ *Русской Мысли* вскрываетъ коренное противорѣчіе, таящееся въ идеологии социализма. Пока социалистическія теоріи владѣли умами небольшой группы общественныхъ идеологовъ, это противорѣчіе не обрисовывалось съ такой отчетливостью, какъ въ наши дни осуществленія социализма,—если не въ экономическомъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ смыслѣ власти его стихій, его пагуба надъ широкими народными слоями. Ядро этого противорѣчія кроется въ ложномъ индивидуализмѣ социализма. Стремясь къ благу отдѣльной личности и—во имя этого узко понимаемаго блага—отрицая всѣ сверхличныя цѣнности: государственныя, національныя, эстетическія и религіозныя (неизбѣжно требующія для своего созиданія личныхъ жертвъ), социализмъ стремится обкарывать эту личность, ограничивать ея ростъ, задерживать ее на низшей ступени развитія, ибо въ ростѣ своемъ личность

неизбѣжно откинетъ мѣщанскій идеалъ „индивидуальнаго“ благополучія, неизбежно отдастъ себя служенію тѣхъ сверхличныхъ цѣнностей, въ которомъ только и можетъ въ истинномъ смыслѣ осуществиться себя. Въ духовномъ ростѣ своемъ личность неизбежно оставляетъ за собой на низшихъ ступеняхъ человѣческія особи, предпочитающія пребывать въ мѣщанскомъ благополучіи и самоуслажденіи.

Такимъ образомъ, вновь возстанавливается та іерархичность человѣческаго общества, для разрушенія которой столько усилий прилагается социализмомъ. Вновь созидаются тѣ сверхличныя цѣнности, которыя отнюдь не находятся въ противорѣчіи съ благомъ личности, но, наоборотъ, служатъ показателемъ высшаго духовнаго цвѣтенія ея.

„Русская революція представляетъ собой огромный экспериментъ: она даетъ богатый опытный матеріалъ для размышленій въ области философіи общества и фило-